

М. К. КУПРИНА-ИОРДАНСКАЯ

Годы молодости. Воспоминания о А. И. Куприне

<фрагменты>

В одно из ноябрьских воскресений 1901 года я усиленно готовилась к семинару профессора С. Ф. Платонова. Дверь в комнату была закрыта, и звонка из передней не было слышно.

— Пришли гости, мамаша приказали вам принять, сами они к гостям не выйдут, — скороговоркой проговорила, входя ко мне, молоденькая горничная Феня.

Появление гостей меня удивило.

Моя приемная мать, Александра Аркадьевна Давыдова — издательница журнала «Мир Божий», — последние месяцы часто хворала. После смерти Лидии Карловны Туган-Барановской, старшей дочери, которую она страстно любила, у нее обострилась болезнь сердца. Она перестала заниматься делами журнала, никуда из дому не выезжала, отменила вечера и воскресные приемы. Кроме близких друзей, у нее никто не бывал.

Я вышла в гостиную. Среди комнаты стоял Иван Алексеевич Бунин и рядом с ним незнакомый мне молодой человек.

Приходу Бунина я обрадовалась. Мы давно не виделись — последние два года он редко приезжал в Петербург, да и то ненадолго. Всегда, когда мы встречались после значительного перерыва, Иван Алексеевич, чтобы рассеять натянутость первой встречи, с пугливой почтительностью приветствовал меня и начинал разговор с какой-нибудь забавной выдумки. Так было и на этот раз.

— Здравствуйте, глубокоуважаемая, — обратился он ко мне. — На днях прибыл и спешу засвидетельствовать Александре Аркадьевне и вам свое нижайшее почтение. — Он преувеличенно низко поклонился, затем, отступив на шаг, еще раз поклонился и продолжал торжественно серьезным тоном: — Разрешите представить вам жениха — моего друга Александра Ива-

новича Куприна. Обратите благосклонное внимание — талантливый беллетрист, недурен собой. Александр Иванович, повернись к свету! Тридцать один год, холост. Прошу любить и жаловать.

Довольный своей выдумкой, Бунин лукаво посмеивался. Куприн сконфуженно переминался с ноги на ногу и, смущенно улыбаясь, мял в руках плоскую барашковую шапку.

В синем костюме в серую полоску, мешковато сидевшем на его широкой в плечах, коренастой фигуре, низком крахмальном воротничке (таких в Петербурге уже давно не носили) и большом желтом галстуке-«пластроне» с крупными ярко-голубыми незабудками, Куприн рядом с корректным, державшимся свободно и уверенно Буниным казался неуклюжим и простоватым провинциалом.

— Так вот, почтеннейшая, — продолжал Бунин, когда мы сели, — сядем, посидим, друг на дружку поглядим. У вас товар, у нас купец, женишок наш молодец...

И как деревенский сват, выхваляя жениха, Бунин в то же время рассказывал о Куприне различные смешные анекдоты.

Этот фарс, неожиданно придуманный Иваном Алексеевичем, был очень забавен. И на его вопрос: «Так как же, глубокочтимая, нравится вам женишок? Хорош?..» — я поддержала шутку:

— Нам ничего... да мы что... как маменька прикажут... их воля...

Мы от души смеялись, придумывая все новые и новые забавные диалоги.

Куприн молчал, и стало заметно, что он чувствует себя неловко и бунинская затея его не веселит. Шутку следовало прекратить. <...>

Прощаясь, я передала Куприну от имени Александры Аркадьевны приглашение бывать у нас, когда она поправится и возобновит приемы.

— А как же насчет сватовства? — вспомнил Бунин. Куприн круто повернулся и направился к двери.

— Идем, — отрывисто бросил он.

Кажется, Куприн обиделся, думала я, проводив гостей. Неужели он не привык к выдумкам Ивана Алексеевича? Все-таки поддерживать эту нелепую шутку мне не следовало. Человек первый раз пришел к нам в дом и сразу попал в смешное положение. Ну, ничего. Потом все обошлось — он был интересен и остроумен.

С Буниным я была в хороших, приятельских отношениях. Мы познакомились в конце ноября 1896 года у народоволки Е. С. Ще-

потьевой, когда Иван Алексеевич приехал с Кавказа из толстовской колонии. У него не было еще той корректной манеры держать себя, которую он усвоил позднее. В первое посещение нашего дома он явился в голубой русской рубахе и высоких сапогах, что заметно не понравилось моей матери, которая его сразу невзлюбила. Но, несмотря на то, что она принимала его весьма сухо, он бывал у нас довольно часто.

Вскоре после отъезда Бунина в имение к родным я получила от него письмо:

«Высокочтимая Мария Карловна!

Пишу вам из деревни. Новостей особо примечательных пока что не имеется. К светлому празднику Христова воскресения, с коим я Вас поздравляю, справил себе обновы: рубаху, порты, юфтевые сапоги со скрипом и три дня плясал на деревне.

Засим желаю здравствовать и низко кланяюсь Вашей драгоценной маменьке Александре Аркадьевне, сестрице с супругом, братцу, тетеньке... (далее следовал перечень всех живших у нас домочадцев).

Остаюсь Бунин Ивашка из сельца Мокрые Петушки».

В этот день вечером к нам пришли Короленки.

— Вы только послушайте, Владимир Галактионович, — возмущенно жаловалась моя мать, — что нынче пишут молодым девушкам такие господа, как ваш хваленый Бунин. «Справил себе порты и какие-то там сапоги...» Как вам нравится это остроумие?

— Александра Аркадьевна, молодость веселится. Она беспечно радуется и смеется. Но она проходит слишком скоро. И нам с вами остается только вспоминать нашу юность и сожалеть о ней, — сказал Короленко.

В следующую зиму, приехав в Петербург. Иван Алексеевич уже больше не изображал из себя народника и не убеждал меня стать сельской учительницей. Полоса увлечения толстовством прошла. <...>

В конце октября 1902 года в Петербург приехал Бунин, чтобы заключить с Пятницким условия относительно своих рассказов и стихотворений, а также перевода «Песни о Гайавате» Лонгфелло. Куприн прочел ему в рукописи свой рассказ «Болото», который должен был появиться в декабрьской книжке «Мира Божьего».

— Ты начинаешь выписываться, Александр Иванович, — снисходительно похвалил Бунин. — Но в этом рассказе, конеч-

но, это дело вкуса, длиннейшие рассуждения студента должны так же утомлять читателя, как и землемера, которому надоедает студент. Уверяю тебя, что читателю эти рассуждения так же очень скучны. И он охотно от них бы отмахнулся. Но описание болота, тумана и ночи в избе лесника сделано превосходно.

Такой снисходительно-покровительственный тон, который Бунин усвоил еще со времени Одессы, задевал Александра Ивановича, хотя он и признавал справедливость суждений Ивана Алексеевича. <...>

Отношения между Куприным и Буниным были очень своеобразны. Успех одного восхищал другого, но в то же самое время возбуждал чувство соперничества.

Куприн завидовал блестящей находчивости, остроумию Бунина. Бунин говорил, что Александр Иванович обладает способностью необычайно яркого и выпуклого рассказа.

Дело в том, что Бунин и Куприн — писатели разного характера, разного темперамента.

Куприн долго вынашивал тему, а затем писал быстро, почти без помарок. Варианты и черновики уничтожал.

Бунин писал гораздо медленнее, много раз правил свою рукопись, появлялись варианты.

— У тебя ограниченный словарь, — говорил Бунин Куприну, — ты не работаешь над стилем...

— А ты высиживаешь каждое слово. У тебя в каждой строке виден пот, и поэтому пишешь тягуче и скучно. Меня тошнит от твоих подробностей...

— А меня, — отвечал Бунин, — когда ты в своих рассказах отходишь от художественного изображения и вставляешь целые куски из истории.

— Не сердись, Иван Алексеевич, если я скажу, что ты гораздо больше поэт, чем прозаик, и если бы ты занимался только поэзией, то стал бы большим, очень большим поэтом, а ты разбираешься.

Такими откровениями обменивались иногда Бунин и Куприн, и тем не менее они были искренне привязаны друг к другу.

В. Н. Бунина писала мне из Парижа 4 октября 1960 г.: «...отношения Куприна к Бунину были очень непростые, тут понадобился сам Достоевский, чтобы все понять. Диапазон был большой: от большой нежности к раздраженной ненависти, хотя в Париже все было смягчено».

В других письмах Вера Николаевна писала: «Ведь это он, так сказать, повенчал нас в церковном браке, он все и устроил, за что

я ему бесконечно до смерти буду благодарна, так как успокоило мою маму, мое письмо о венчании было к ней последним... Он был моим шафером. Службу он знал хорошо, так как вместе с другим шафером они заменяли певчих. Он говорил, что очень любит устраивать и крестины и свадьбы» (3 февраля 1961 года).

«Иван Алексеевич всегда говорил, что он радовался успехам Александра Ивановича, он высоко ценил его художественный талант, но считал, что он мало читает и живет не так, как ему надлежало бы.

Мне всегда казалось, что у Куприна была какая-то неприязнь к Бунину, но не на литературной почве. Она проявлялась, когда он был нетрезв. В нормальном состоянии они были очень нежны друг к другу и, пожалуй, ближе, чем с другими писателями» (9 февраля 1961 года).

«Неприязнь» эта понятна мне.

Бунин любил похвастаться иногда своим дворянским происхождением.

Однажды у нас за столом, когда разговор шел о родovitости, Александр Иванович сказал, что и у него мать княжна Кулунчакова. На это Бунин ответил остротой:

— Да, но ты, Александр Иванович, дворянин по матушке.

Куприн, побледнев, взял со стола чайную серебряную ложку и молча сжимал ее в руках до тех пор, пока она не превратилась в бесформенный комок, который он бросил в противоположный угол комнаты,

Забыть это Бунину Александр Иванович не мог. Поэтому известная пародия на Бунина «Пироги с груздями» начиналась так:

«Сижу я у окна, задумчиво жую мочалку, и в дворянских глазах моих светится красивая печаль. Ночь. Ноги мои укутаны дорогим английским пледом. Папироска кротко дымится на подоконнике. Кто знает, может быть, тысячу лет тому назад также сидел и грезил и жевал мочалку другой, неведомый мне поэт?»

<...>

